

не получаетъ; единственное же разрѣшеніе проблемы, предлагаемое Толстымъ, заключается въ утвержденіи не того, что конечное связано съ безконечнымъ, а того, что, помимо конечнаго, въ насъ *есть* безконечное. Оно внѣ времени и въ этомъ смыслѣ всегда есть, но если намъ хочется актуально чувствовать себя неподвластными смерти, то мы и должны „развивать“ въ себѣ высшую жизнь, т. е. помогать ей осуществляться въ личной жизни. Рѣшается поэтому, какъ видимъ, не тотъ вопросъ, который возникаетъ въ нравственныхъ переживаніяхъ личности; вѣдь личность, *и только она*, спрашиваетъ себя: что *мнѣ* дѣлать, чтобы *моя* дѣятельность имѣла неуничтожаемый и разумный смыслъ? На этотъ вопросъ не дастъ никакого отвѣта Толстой, хотя его далъ Христосъ въ ученіи о спасеніи. Добавлю: лишь та нравственная дѣятельность можетъ быть признана „разумной“, которая дѣлаетъ возможнымъ и нужнымъ *мое* усиліе, усиліе моей личности. Безсмертіе же, о которомъ учить—въ своихъ уклонахъ въ сторону пантеизма—Толстой, въ сущности недостижимо, потому что оно и безъ стремленія къ нему *есть*, было и всегда будетъ присуще тому безконечному, что есть въ насъ. Не личность спасается, по Толстому, а нужно спастись *отъ* личности... Да, это единственный исходъ для Толстого: нужно запросы личнаго безсмертія, запросы моего участія въ безконечности подавить, устранить; безъ этого, Толстой это чувствовалъ, его ученіе не можетъ удовлетворить и его самого. Но если нравственная дѣятельность всегда возникаетъ какъ проблема *личности*, какъ служеніе лично пережитой и лично дорогой цѣли,—то очевидно, что ученіе Толстого не разрѣшаетъ той трагедіи, которую онъ самъ пережилъ до религіознаго переворота. Лишь личное безсмертіе дѣйствительно дѣлаетъ неизбѣжнымъ мою личную нравственную работу, лишь оно одно зажигаетъ нравственную энергію.

Но отдѣленіе разумной жизни отъ жизни личности не только этически безцѣльно, оно непроводимо и психологически. Внѣвременность характеризуетъ не только разумно нравственныя переживанія: она еще рѣзче нами чувствуется въ логическихъ операціяхъ. И если Платонъ,—съ которымъ вообще есть не мало пунктовъ сближенія у Толстого,—высоко цѣнитъ этотъ внѣвременный характеръ высшей теоретической жизни, настолько рѣзко отдѣлялъ ее отъ опыта, отъ дѣйствительности, что иногда даже проникался презрѣніемъ къ дѣйствительному міру,—то уже реак-